

И.И. Зильберберг

Конформист, диссидент, террорист - индивидуум в современном обществе

Настоящая статья для публикации не предназначалась. История её появления описана в предисловии к ней.

Настоящая статья была вначале устным выступлением, без записей (кроме цитат), но позже, по просьбе друзей, я восстановил его по памяти, записал и расширил. А история выступления такова.

В антропософском центре в Лондоне (Rudolf Steiner House) организуются ежегодные циклы лекций на какую-либо злободневную, но достаточно широкую тему, где каждая лекция является самостоятельным выступлением специально приглашённого оратора на предложенную ему тему. В 1986 году, когда в качестве одного из лекторов был приглашён я, тема цикла была - "Моральные вопросы в век вседозволенности", и в программе цикла она расшифровывалась следующим образом: "Традиционные религиозные и общественные нормы поведения по большей части ушли из нашей жизни. Мы чувствуем себя теперь свободными. Но всегда ли наши действия ведут к желанным радости и покою? Рудольф Штайнер предвидел это время моральной автономии и потому воздерживался от поучений. Вместо этого он предложил нам своё видение человека как существа, состоящего из тела, души и духа. Дремлющие в нас способности могут быть пробуждены, что позволит нам сознательно решать те проблемы, которые выпадают на долю каждого из нас".

Темы выступлений были следующие: "Наш век неопределённости", "Рождение новой жизни - в чьих руках оно должно находиться?", "Смерть, увеличение продолжительности жизни, этаназия", "Проблема самоубийства", "Конформист, диссидент, террорист", "Нужна ли ещё семья?", "Что есть истина?", "Совместное проживание, брак, развод", "Зачатие, противозачаточные средства, аборт", "Нерешённые проблемы". Я мог поменять не только название предложенной мне темы, но и саму тему. Но я не стал этого делать - принял тему как вызов и конкретизировал её, добавив к названию вторую часть.

Сейчас я прошу читателей принять во внимание наличие в статье ряда терминов, понятий, образов и ссылок, которые я не употребил бы, если бы моя первоначальная аудитория не была антропософской и английской. Это создаёт для непосвящённого читателя определённые трудности. Но я не стал переделывать статью или перегружать её пояснениями и комментариями (за одним исключением) - читатель сам отсортирует приемлемое и неприемлемое для него в ней. Если же он захочет хоть как-то вникнуть в смысл антропософских (духовных) высказываний, то я рекомендовал бы ему прочитать, как минимум, помещённые в данном разделе статьи "Рудольф Штайнер - жизнь, учение,

деятельность" и "О карме и национальном вопросе".

И, наконец, несколько слов о трудностях, возникших при переводе заглавных терминов статьи, о чём читателю следует, пожалуй, знать. Термин "террорист" не вызывает никаких проблем. Он прочно вошёл в русский язык и функционирует в нём во всех основных семантических и грамматических формах - обозначая явление и его носителя, выступая в качестве существительного, глагола, прилагательного и пр. Термину "конформист" повезло меньше - хотя он и существует в качестве обозначения явления ("конформизм"), глагольной формы в русском языке он не имеет. Ещё хуже обстоит дело с недавним иммигрантом "диссидент". Хотя сам он право местожительства на территории русского языка вроде бы получил, а вот его производные - нет. С натяжкой можно (или всё-таки нельзя?) употребить (что я и делаю, рассчитывая на снисхождение читателя) слово "диссидентство", то уж глагол "диссидентствовать", даже если его употребить, носил бы явно негативный характер, что противоречило бы вкладываемому в него смыслу. Но именно на употреблении группы функционально различных слов с тем же корнем построен мой английский текст. Увы, в русском переводе это оказалось в данном случае невозможным, о чём мне и хотелось уведомить читателя.

* * *

Какое-либо публичное выступление, устное или письменное, может иметь два оправдания. Либо выступающий обладает, в качестве специалиста, соответствующим знанием или пониманием какого-либо предмета, и делаясь своими знаниями с другими, он тем самым расширяет и их знания. Или же он не обладает какими-либо особыми, в сравнении с другими людьми, знаниями по данному предмету, но делаясь с ними своим видением, своим восприятием, своим пониманием предмета, он тем самым вносит свой вклад в общий уровень его понимания. Моё настоящее выступление, по самой своей природе, несомненно относится к этой именно категории.

Для меня эти три явления - конформист, диссидент и террорист - являются реальными факторами современной жизни. Они не просто какие-то абстрактные понятия или популярные политические термины, означающие нечто, что происходит где-то, при каких-то обстоятельствах и с какими-то людьми. Они имеют прямое отношение к каждому живущему сегодня человеку и являются результатом его контакта со своим окружением, со своей средой, с обществом в целом.

Либо человек безоговорочно и как само собой разумеющееся принимает всё, встречающееся ему на жизненном пути, - и такого человека мы называем конформистом. Или же человек подвергает сомнению общепринятые взгляды и бросает им вызов, выражая свои собственные взгляды и мнения, которые не совпадают с господствующими в его среде или обществе и часто противоречат им. Такого человека называют диссидентом. Или человек может пойти дальше

простого выражения своих взглядов; он может захотеть воплотить их в жизнь, действовать в соответствии с ними. И если он встречает препятствия на своём пути и решает преодолеть их любыми имеющимися в его распоряжении средствами, включая насилие, то он становится террористом. Убийство - это лишь крайняя форма терроризма, который по сути своей является ничем иным, как навязывание другим - даже путём принесения в жертву их интересов, благосостояния и жизни - своих взглядов и поступков.

В нашей сложной современной жизни каждый человек выступает, в зависимости от обстоятельств, по крайней мере в одной из этих ролей - и очень часто во всех трёх. Он может быть одним в семье, чем-то другим с друзьями, в общении и в общественной жизни, и чем-то совершенно другим на работе, среди коллег. Разнообразие ситуаций, обстоятельств и условий жизни вкупе с разнообразием человеческих характеров и их сложностью порождают такое многообразие проявлений этих феноменов, что часто бывает очень трудно распознать в каждом случае их истинную суть и особенно увидеть их общую природу.

Но не эти многообразные проявления являются предметом моего рассмотрения, хотя я и упомяну некоторые из них. В своём рассмотрении я хотел бы пойти дальше того, что проявляется вовне, дальше внешнего и видимого и постараться проникнуть в то, что действует за этим внешним - в человеческой душе, в современном обществе, в нашей культуре - как некий общий духовный знаменатель того, что проявляется сегодня как конформизм, диссидентство и терроризм. Это огромная задача, далеко выходящая, разумеется, за пределы того, что может сделать один человек в отведённых ему пространстве и времени. Вместе с тем, именно через ограниченные индивидуальные усилия, как бы слабы они ни были, мы приходим к лучшему осознанию и пониманию того, что происходит сегодня в мире.

У человека есть два средства, могущие помочь ему понять какое-либо явление. Одно - накопленные им жизненный опыт и жизненные наблюдения; другое - его мировоззрение, его понимание мира, жизни и их эволюции, которое является результатом приобретённых им знаний и размышлений. Именно с помощью этих средств я попытаюсь рассмотреть и понять явления конформизма, диссидентства и терроризма.

Мой жизненный опыт приобретался в двух общественных формациях, в которых мне пришлось жить, - совершенно различных, если не противоположных, почти в каждом своём аспекте. Одна - это Советский Союз, где я прожил первые тридцать пять лет своей жизни, а вторая - Англия, где я прожил последующие пятнадцать лет. Как каждый личный жизненный опыт, мой является конечно же субъективным. Что касается моего мировоззрения, основанного на изучении антропософии, то я убеждён, что оно носит объективный характер, хотя его конкретная интерпретация и приложение, исходящие от индивидуума, тоже являются субъективными.

Именно с картины мира я и хочу начать своё рассмотрение. Чтобы совершенно не потерять ориентацию во множестве всевозможных событий, происходящих ежеминутно во всех уголках земного шара, и чтобы просто справиться с их наличием в жизни, не говоря уже об их понимании, необходимо попытаться на какое-то время "извлечь" себя из них и отстраниться от них, чтобы взглянуть на них как бы с высоты птичьего полёта и спросить себя: "Что же *действительно* происходит в мире? В чём смысл всех этих событий?" Другими словами: "В чём заключается суть и цель нашей эволюции, специфической частью и отражением которой наше время является?"

В антропософовском смысле под "нашей эволюцией" мы можем понимать её полный охват от эпохи Сатурна до эпохи Вулкана, или же только эволюцию Земли, или же христианскую цивилизацию, которая началась две тысячи лет назад с явления Христа, или пятую постатлантическую эпоху, начавшуюся в пятнадцатом веке, или же, говоря более конкретно, наше время, новую Эпоху Михаила, которой чуть больше ста лет.

Возьмём ли мы одну из этих ступеней или же все их вместе, мы должны задаться вопросом: "Каков тот центральный элемент, который проходит через всю человеческую эволюцию и который особенно важен для тех, кто живёт в наше время?" Афористически на этот вопрос можно ответить так: "Целью нашей эволюции является возвращение человека в духовный мир и соединение, или воссоединение, с ним". Эта всеохватывающая задача, относящаяся как к человеку, так и к духовным существам, включает в себя ряд конкретных ступеней, которые должен пройти современный человек, чтобы достичь конечной цели.

Прежде всего, он должен узнать о существовании духовного мира, о его присутствии и деятельном участии во всём физическом, а также в том, что физически не проявляется. Затем человек должен продвинуться дальше и получить знания о духовном мире - такие же конкретные и точные, как его знания о физической реальности. После этого человек должен вступить на последнюю ступень своего воссоединения с духовным миром, с божественными существами, где он становится их сознательным и деятельным со-работником, со-творцом и участником их деяний как здесь на Земле, так и в сфере духовного.

Эти три стадии соединения человека с божественными существами не осуществляются сами собой, "естественным" путём. И они не будут ниспосланы ему свыше в виде дара или благословения. В труде и борьбе, шаг за шагом и собственными напряжёнными усилиями, должен человек прокладывать через них свой путь. Чтобы суметь осуществить это, он должен развить в себе три определённых качества, соответствующие трём ступеням его эволюционной задачи.

Сначала он должен развить в себе чувство, что в мире есть нечто более высокое, чем он сам и чем то, что он видит вокруг себя; что он причастен более высокому миропорядку, является частью великого единого мира, что у него есть доверие к

нему и что он хочет, по велению сердца, жить с ним в полной гармонии. И мы можем назвать это качество *истинным чувством*.

Затем, чтобы получать знания о духовном мире, чтобы научиться познавать его, человек должен развить в себе особый орган познания, особое качество. Этим качеством является мышление, особое мышление, свободное от уз и ограничений, накладываемых физической действительностью, и находящее в духовном мире свою истинную родину. Это качество может быть названо *истинным мышлением*.

А чтобы стать со-творцом с божественными существами, человек нуждается ещё в одном качестве. Он должен быть способен преобразовать свои духовные знания, свои идеи в идеалы, а их в волевые импульсы, которые он должен, в конечном счете, претворить в конкретные дела. И эта способность, это качество может быть названо *истинной волей*.

Таким образом, развитие этих трёх качеств является задачей нашей эволюции, особенно её настоящей ступени. Мы можем сказать, что импульсы и силы, лежащие в основе их развития, составляют духовные законы, действующие в настоящее время в мировой эволюции. Осуществление этих законов является совместной задачей человека и духовных существ, направляющих его эволюцию.

Но эти существа, импульсы и силы не являются единственными, действующими в нашей эволюции. Имеются и другие, действующие в противоположном направлении и стремящиеся остановить эволюцию человека и помешать его воссоединению с духовным миром. Знание природы и деятельности этих враждебных, Ариманических сил так же важно для человека, как и знание духовных законов и существ, направляющих его эволюцию.

Так как же действует Ариман? Как может он достичь своей цели и помешать действию духовных законов? Он не может просто изъять их из мировой эволюции - это не в его власти. Не может он также остановить их действие и сделать их недееспособными - они вписаны в мировую эволюцию и их действие неотвратимо. Но он может сделать нечто другое, имеющее отрицательные последствия - столь же серьёзные и разрушительные. Он может *исказить* действие этих законов, и именно так он и поступает сегодня, сделав *искажение* одним из главных орудий и методов своей деятельности.

Распознаванию и пониманию ариманических искажений может помочь внимательный анализ некоторых событий и явлений жизни, которые мы считаем отрицательными. Если наше понимание достаточно точно и глубоко, мы можем обнаружить, что за тем, что является неправильным или ложным, часто стоит нечто, что по сути своей является правильным и верным, но что подверглось искажению в силу того, что было сделано неправильно - не так, или не там, или не тогда, или не с той целью, или подверглось влиянию каких-либо других неправильных факторов.

Эти искажения можно наблюдать в природе и в человеке, как в органических, так и в духовных явлениях. Сошлюсь на несколько хорошо известных примеров. Если вещества и силы, определяющие рост растения, перемещаются из той части растения, где они должны находиться, в другую, в растении образуется яд (белладонна). Или же если некоторые процессы и вещества, которые органичны в одной системе человеческого организма, проникают в другую, в организме возникает болезнь. То же самое происходит в области культуры, в сфере человеческой деятельности, где созданные человеком искажения могут быть обнаружены и прослежены до их изначальных источников.

Пример одного такого искажения и его разоблачения может быть найден в трудах великого русского философа Владимира Соловьёва. Его работа и жизненный интерес были связаны с очень важной сферой человеческой деятельности - с мышлением. В этой сфере он сталкивался с множеством ложных представлений и заблуждений, и его проникновение в их природу может служить как замечательным примером работы человеческого духа, так и эффективным методологическим инструментом, применимым к любой сфере деятельности человека:

Всякое заблуждение содержит в себе несомненную истину, которой оно есть лишь более или менее глубокое искажение, - эту истину оно держится, ею привлекает, ею опасно и через неё же только может быть как следует обличено и опровергнуто. Поэтому первое дело разумной критики относительно какого-либо заблуждения - найти ту истину, которой оно держится и которую оно извращает.

То, что Владимир Соловьёв открыл в области философии, имеет место и в других областях человеческой жизни и культуры - в научной, экономической, социальной, художественной, религиозной. Тот факт, что искажения имеют место, и то, как они происходят, тоже может быть отнесено на счёт духовного закона, "закона искажения". Именно этот закон использует Ариман, чтобы саботировать действие трёх духовных импульсов, направленных на развитие истинного чувства, истинного мышления и истинной воли. И только путём раскрытия, самым конкретным образом, этих действий Аримана могут они быть разоблачены, опровергнуты, побеждены и исправлены.

Итак, если мы попробуем охарактеризовать, очень сжато, суть мировых событий нашего времени, мы можем сказать, что в определённом смысле они выражают и отражают нелёгкий процесс возвращения человека в духовный мир. Фактически это возвращение является битвой, и в той степени, в какой эта битва человека ведётся самым человеком, она является также битвой за человека между христианскими и ариманическими силами. Именно в контексте этой битвы я и рассмотрю здесь эти три феномена - конформиста, диссидента и террориста, начав с того из них, которому пришлось сыграть особую роль в моей жизни - с "диссидента".

Я впервые услышал слово "диссидент" пятнадцать лет назад, когда приехал в Англию. Я познакомился тогда со многими людьми, занимавшимися советскими делами либо в качестве специалистов (так называемые "советологи"), либо потому, что их лично волновали такие проблемы, как права человека, положение советских евреев и другие стороны советской жизни. Эти люди называли тех в Советском Союзе, кто открыто требовал решения этих проблем и среди которых у меня было много друзей, диссидентами. Меня они тоже называли диссидентом.

Тогда, пятнадцать лет назад, это слово не входило в русский политический лексикон, и я не знал его значения. Поэтому я нашёл его в словаре и прочитал его определение. Для меня было новым слово, но не явление, которое оно описывало. Это явление было частью советской жизни, более того, было многие годы частью российской жизни, и конечно же есть слово, определяющее его - русское слово.

Поскольку это слово очень важно для понимания природы явления, определяемого им, я представлю и объясню его. Это длинное и сложное слово - "инакомыслящий", и переведённое буквально, оно означает "человек, который думает по-другому". В советской действительности, где "другой" означает "неправильный" и "анти", это слово не является нейтрально-описательным, и в устах властей оно звучит угрожающе. И оно действительно употребляется ими в качестве предупреждения, угрозы или обвинения против тех, кто "идёт не в ногу": "Вы инакомыслящий, вы думаете по-другому".

Но на меня произвело особое впечатление, когда я ещё жил в Советском Союзе, то, как некоторые из моих друзей реагировали на это обвинение. Они реагировали не столько на ту политическую интерпретацию этого слова, которую власти вкладывали в свою угрозу, сколько на его исходное значение, и парировали эту угрозу следующим образом (передаю суть сказанного): "Что вы имеете в виду, говоря, что мы думаем "по-другому", "иначе"? "По-другому" по сравнению с кем? Мы определённо думаем иначе, чем вы, но вы же вообще не думаете. Или может быть это вы думаете "иначе" и "по-другому"? И вообще, где то объективное и истинное мышление, которое может служить критерием, относительно которого все остальные виды мышления являются "другими" и "неправильными"?"

Вот как некоторые индивидуумы бросали вызов властям. Я нахожу его поразительным не только за мужество, но особенно за содержащуюся в нём духовную правду. Проникнув в дух языка и следуя, инстинктивно, духу времени, эти индивидуумы смогли подойти к важнейшему, критическому вопросу, стоящему перед человеком: "Существует ли объективное и правильное мышление, и если существует, то что это такое?"

Таким образом, дух языка и дух времени, если их распознать и верно следовать за ними, могут поставить человека лицом к лицу с самыми злободневными вопросами и проблемами сегодняшнего дня. Но они не могут решить их за него. Те индивидуумы в России смогли раскрепостить своё мышление - но они не смогли сделать его свободным. Они смогли освободить его от оков официальной

идеологии и начать думать независимо. Сделав это, они совершили духовный скачок из средневековья в XX век. По своему сознанию они "догнали" Западный мир. Но как и люди в остальном мире, они не решили, или не начали решать, или даже полностью не осознали проблемы истинного, объективного мышления и мышления "другого" и неправильного.

Если бы они углубились в эту проблему с достаточной настойчивостью, они бы узнали, что она может быть решена и что духовная наука даёт ответ на их вопрос. Она показывает, что мышление, которое соответствует духовным законам и миропорядку, является истинным и объективным, и что развитие такого мышления является сегодня одной из основных задач человека, в то время как *другое* мышление, ограниченное и обусловленное лишь физическим, является ложным и неправильным. Неприятие мышления, основанного на духе, и признание мышления, ориентированного лишь на физическое, является отклонением и *отступничеством* от верного хода эволюции. Существом, совершающим такое отступничество в глобальном масштабе, руководителем и вдохновителем многих индивидуальных отклонений здесь на Земле является Ариман. Именно он и "думает по-другому" и является сегодня Верховным Диссидентом. Если мы не хотим подпасть под его влияние и власть, мы должны видеть, совершенно конкретно, как он осуществляет своё отступничество посредством наших человеческих поступков и дел.

Мы знаем из антропософских источников о той исключительной важности, которую наше время имеет для всей человеческой эволюции. По сути, оно является её поворотным пунктом, когда человечество должно решить, каким путём и в каком направлении пойдёт его дальнейшее развитие. В течение многих столетий шли приготовления, как в духовном мире, так и здесь на Земле, к тому, что должно произойти в наше судьбоносное время. В качестве важнейшего фактора этих приготовлений и в помощь человечеству духовный мир должен был направить к нему своего посланника, который указал бы путь и повёл его к его духовной цели. Ариман, активность которого значительно повышается в такие именно решающие периоды, тоже предвкусал начало новой эры и делал свои собственные приготовления. Они могут быть распознаны даже во внешних исторических событиях, если вникнуть в них достаточно глубоко, и здесь я хотел бы указать на одно из них.

Речь идёт о документе, написанном в конце шестидесятых годов прошлого столетия неким молодым человеком, одним из родоначальников русского политического терроризма. Ретроспективно этот человек может быть также назван одним из отцов современного политического терроризма, поскольку в качестве социально-политического явления этот тип терроризма появился в девятнадцатом столетии в России. Имя этого человека было Сергей Нечаев, и деятельность его и его группы была изображена Достоевским в его замечательном и пророческом романе "Бесы".

Документ этот был написан и опубликован, насколько мне известно, на Западе, в

Швейцарии, а затем оказался, вместе с автором, в России. Назывался он "Катехизис революционера" и содержал в себе, помимо прочего, и высказывания о морали. Фактически он даёт определение морали, которое звучит следующим образом: "Нравственно для революционера всё то, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё то, что мешает ему".

Чтобы понять истинный смысл и значение этого документа, мы должны увидеть его, с его определением морали, в правильном историко-духовном контексте. Он появился как раз накануне новой Эпохи Михаила, имеющей особое значение для эволюции человека. Эта эпоха больших изменений и преобразований, которые должны произойти, прежде всего, внутри самого человека и затем найти своё выражение в его внешней жизни. Он уже не будет больше руководствоваться тем, что приходит к нему извне как моральные принципы, обычаи, традиции и т.п. Всё это должно рухнуть и потерять свою значимость для человека. Он должен начать руководствоваться тем, что приходит изнутри, из его углублённого сознания и собственного морального чувства. Он должен стать морально сознательным существом, что может быть достигнуто только через осознание истинной природы и смысла морали.

Поэтому в самом начале Новой Эпохи её глашатай посвятил себя этому вопросу. Показав, что мораль и моральные законы существуют в качестве объективной реальности и указав на их духовное происхождение и на связь с внутренним существом человека и его свободой, он внёс свой первый и значительный вклад в эволюционную задачу человека. Именно в свете этого необходимо рассматривать Нечаевское определение морали - что оно вносило собой в мировую и человеческую эволюцию в её решающий момент?

Нечаев даёт определение морали на основе земного человеческого события (революции). Этим он лишает мораль её духовного основания и вырывает её из духовных основ человеческой эволюции, то есть из самой эволюции. Это также лишает мораль её объективного характера и делает зависимой от чего-то случайного и временного.

Тот факт, что событие, посредством которого Нечаев определяет мораль, является насильственным, не имеет значения в данном случае. Оно могло быть чем-то созидательным и даже благотворным, как, скажем, строительство больницы для детей с физическими и умственными недостатками. Но в качестве основы для определения морали оно было бы столь же неправильным и порочным: "Всё то, что способствует строительству больницы для детей с физическими и умственными недостатками, является нравственным, а всё то, что мешает ему - безнравственно и преступно".

Как только мораль переносится в сферу, где имеет силу не духовно-объективное, а произвольно-субъективное, провозглашаемые моральные принципы способны лишь принести вред и внести путаницу и разногласия. Прежде всего, Нечаевская мораль открывает двери для всевозможных деяний во имя дела (революций,

больниц и т.д.), которые будут оправданы тем, что они полезны и моральны. Затем она разделяет людей, независимо от их взглядов, действий и рода занятий, на две категории - на тех, кто способствует делу, и тех, кто мешает ему.

Никто не может избежать её железной хватки, даже те, чьи идеи, побуждения или жизненные интересы могут не иметь ничего общего с революциями или больницами. Последователи Нечаева в Советской России не оставили на этот счёт никаких сомнений: "Кто не с нами, тот против нас".

Но даже те, кто "с нами", кто хочет способствовать "общему делу" и принимает Нечаевскую мораль, неизбежно толкуют её по-разному и вскорости оказываются разделёнными на враждующие между собой лагеря. Некоторые горячие сторонники и подвижники "общего дела" могут быть обвинены другими в том, что они вредят ему и потому аморальны. Последствия таких обвинений могут быть очень серьёзными, и тут открывается ещё один немаловажный аспект Нечаевской морали.

В то время, когда внутренняя индивидуальная свобода становится важнейшим фактором человеческой эволюции, Нечаев провозглашает, что вопрос моральности или аморальности индивидуума решается не им, а другими. Аморальные поступки и грехи человека, даже если он признаётся в них, не являются больше его личным делом, делом его совести, чем-то, имеющим место между ним и Богом. Это теперь общественное дело - преступление, которое квалифицируют, обсуждают и по которому принимают решение другие.

Вот в чём состоят смысл и значение тех двух десятков слов, которыми Нечаев дал своё определение морали. Их не следует недооценивать или вообще отметить как нечто, произнесённое каким-то сумасбродом 120 лет назад. Почти половина населения земного шара живёт сегодня в обществе, где эти слова успешно внедрены в жизнь, - в особенности в Советском Союзе.

Каждый, обладающий истинным знанием советского общества, а в особенности опытом жизни в нём, с готовностью признает роман Достоевского пророческим произведением гения, видевшего, что Ариман приготовил для человечества и что он вносит в него через русский народ. Пятьдесят лет ушло на то, чтобы это проникло вглубь и затем выплеснулось наружу и поразило всю страну и народ, а за ними и полмира.

С тех пор в России была провозглашена и установлена одна мораль, одна идеология, одна форма мышления, обязательная для всех. Бесчисленные жестокости были совершены под её эгидой и во имя её. Время от времени она меняла своё название, и в зависимости от политического климата носила названия революционной, большевистской, советской, социалистической, коммунистической... Но её суть и цель оставались неизменными - принуждение и полное подчинение, то есть создание нации *конформистов*.

В общем и целом, это было достигнуто - путём тотального запрещения и искоренения всего того, что считалось "другим" и "неправильным" относительно официально провозглашённого и установленного "правильного" и "верного". Как выразился, очень красочно, один мудрый человек - "Над каждым советским гражданином была проделана операция: ему удалили мозги и вставили вместо них "Краткий курс ВКП(б)"... "

Успех этой операции и триумф "хирургии" Аримана получили прекрасное подтверждение из уст одного из его "пациентов", советского писателя В.Ильенкова, провозгласившего в своём удостоенном Сталинской премии романе "Большая дорога" (1949 г.) следующее:

Россия пошла по своему пути - всеобщего единомыслия. И мы, советские люди, впервые договорились между собой, говорим на одном, понятном для всех нас языке, мыслим одинаково о главном в жизни. И этим единомыслием мы сильны, и в нём наше преимущество перед всеми людьми мира, разорванными, разобщёнными разномыслием...

Но если кому-либо чудом удалось избежать последствий этой операции, и он пытается мыслить самостоятельно, то такого человека немедленно обвиняют в том, что он "мыслит по-другому" и является *диссидентом*. Если он продолжает оставаться "другим" и даже пытается жить и поступать в соответствии со своими "другими" взглядами, то его клеймят как "контра" и "анти" - контрреволюционер, антисоветчик, антикоммунист и т.п. - и объявляют преступником, *террористом*, который стремится подорвать и разрушить то, что "все другие" строят. И "всем другим" совершенно ясно, что такого человека необходимо изолировать от общества и сурово наказать, если не смертной казнью, то уж во всяком случае тюремным заключением. Или ещё лучше - путём помещения в психиатрическую больницу, потому что только ненормальный думает и поступает не так, как остальные члены общества, и не хочет способствовать всеобщему счастью и делу революции, социализма, коммунизма, строительства больниц для детей с физическими и умственными недостатками и т.д.

Так что суть и метод работы Аримана на Востоке Европы, в России состоят именно в этом - в полном подчинении себе индивидуума и в подавлении, посредством грубой силы, его импульсов к развитию истинных чувства, мышления и воли. И в этом состоит суть и смысл понятий конформиста, диссидента и террориста применительно к советскому обществу:

Конформист это тот, кто отказывается от собственного индивидуального мышления - и такой человек является идеалом и целью общества;

Диссидент это тот, кто мыслит самостоятельно - и такой человек считается "пятой колонной";

Террорист это тот, кто поступает как индивидуум - и такой человек объявляется "врагом народа".

Здесь, на Западе, эти явления проявляются по-другому, как и работа Аримана здесь является другой. Он прекрасно осведомлён о той разнице, которая существует между различными народными душами и их развитием, и в соответствии с этим варьирует методы, которыми действует.

Так каким же оружием он пользуется здесь? Как он противостоит и противодействует Христу на Западе? Это очень сложные и глубокие вопросы, и только посвящённый может дать на них исчерпывающие ответы. Но и обычные люди тоже могут приблизиться к духовным истинам, исследуя глубокие духовные вопросы с помощью собственного образного и интуитивного мышления. Иногда простые притчи, образы или примеры из обычной жизни могут помочь пониманию таких вопросов и раскрыть, хотя бы очень частично, их истинный смысл.

Когда я размышлял над противостоянием Аримана Христу, мне представилось, что его позиция в этом противостоянии могла бы быть выражена известными словами популярной песенки: "Что бы ты ни делал - я сделаю это лучше тебя!"

Мы можем представить, как Ариман говорит Христу: "Ты хочешь сделать людей свободными, но что такое для них свобода? На протяжении столетий их лучшие умы стараются понять её смысл и ведут о ней дебаты. Некоторые из них даже пришли к выводу, что её вообще не существует. Призывая людей к свободе, ты только вносишь смятение в их головы и души, потому что они прекрасно знают: то, что является свободой для одного человека, для другого есть рабство. Теперь же ты послал им своего вестника, показавшего им, что путь к свободе лежит через моральное воображение и этический индивидуализм. Ты действительно ожидаешь от людей понимания таких вещей, не говоря уже об их осуществлении? О нет, это слишком сложно и трудно для них. Я могу предложить им вместо этого нечто другое, что легко понять и осуществить. Ты хочешь видеть человека свободным и называешь наше время Эпохой Свободы - я же даю человеку вседозволенность, называю наше время Эпохой Вседозволенности и провозглашаю: всё дозволено!"

"Всё дозволено!" - сказал один из героев Достоевского, и мы знаем, чьи слова он воспроизводил. Но мы также знаем, что он воспроизвёл их не полностью, потому что полностью они должны звучать так: "Всё дозволено, кроме того, что ведёт к развитию трёх качеств - истинного чувства, истинного мышления и истинной воли". Вот в чём состоит деятельность Аримана на Западе - в замене свободы на вседозволенность и трёх истинных качеств человека на их суррогат.

То, что зачастую живёт в человеке как бессознательное или подсознательное чувство единства с миром и стремление жить с ним в гармонии, должно быть поднято, как того хотело бы Духовное Водительство человечества, до осознания наличия духовного мира и ощущения себя его частью. Ариман, будучи не в силах помешать наличию и развитию в человеке таких чувств, стремится направить их по ложному пути и изменить саму их суть. Он говорит человеку:

Зачем забивать себе голову каким-то гипотетическим и иллюзорным миром духа, когда вокруг себя ты имеешь реальный и живущий полной жизнью мир материи? Именно этот мир нуждается в тебе и обеспечивает тебя всем необходимым. Он принадлежит тебе, а ты являешься его составной частью. Слейся с ним полностью, приняв его во всех его видах и проявлениях. Эта легко достижимая и реально ощутимая гармония с твоим окружением облегчит тебе жизнь и даст тебе внутренний покой.

Таким образом, Ариман хочет ограничить жизнь чувств человека исключительно физической реальностью, хочет заменить его доверие к величественному миропорядку послушанием себе, а его желание жить в гармонии с мировым единством - конформизмом по отношению к физической форме существования. Другими словами, искажая жизнь чувств западного человека, Ариман превращает его в *конформиста* - идеального гражданина своего Царства.

Чтобы сделать этот процесс более успешным, он воздействует на человека не только изнутри, на уровне индивидуума, но также и извне, на уровне общества, путём создания условий, при которых человеку трудно быть чем-то иным, кроме как конформистом. Эти условия есть ничто иное, как *бюрократия* - сеть различных структур, институтов, организаций, правил, инструкций, кодексов, установленных порядков и заведённой практики, условностей и иерархических принципов, внутри которой индивидуум чувствует себя потерянным, бессильным и беспомощным. В результате этого он становится апатичным, бесцветным и циничным и приходит к заключению, что самым лёгким, выгодным и надёжным, или даже единственно возможным для него, способом существования является - бездумно плыть по течению, то есть стать законченным конформистом.

Конформизм как явление пронизывает все сферы жизни, особенно культурную, где он принимает форму массовой культуры. Но Ариман знает, что на Западе он не может использовать конформизм в качестве всесильного и универсального оружия против всех поголовно людей во всех сферах жизни и жизненных ситуациях. Чувство индивидуальности слишком сильно в западном человеке, чтобы позволить ему полностью оказаться во власти конформизма без возможности выразить свою индивидуальность, посредством мышления, в различных сферах и ситуациях. Здесь, на Западе, Ариман, в общем и целом, не подавляет индивидуальное мышление с помощью силы и принуждения, но использует против него другое, хотя и не менее эффективное оружие - он делает индивидуальное мышление и, соответственно, самого индивидуума чем-то незначительным и ненужным.

И здесь он воздействует на человека в двух направлениях, извне и изнутри. Изнутри, на уровне индивидуума, Ариман пользуется теми же средствами, с помощью которых он искажает истинное чувство, - он закрывает для человека духовный мир и делает физическую реальность единственным источником его знаний, опыта и мыслей. Дело не только в том, что основанное на физическом мышление не способно воспринять и признать духовное существо - индивидуальность человека - и рассматривает его лишь как физический продукт

природы. Основанное на физическом мышление не способно проникнуть до объективной и единой основы реальности и потому отражает её в многообразии совершенно различных, не связанных между собой и даже противоречащих друг другу идей. Оно не способно произвести ничего другого, ибо его источник - физическая реальность, лишённая своего духовного основания, - сам является таковым: множеством не связанных между собой объектов.

Когда человек приносит такие идеи в культурные, духовные, социальные сферы жизни, он сам не может не ощущать и не признавать их субъективный характер и относительную ценность. Никакие идеи, включая собственные, не может он считать безусловно истинными и объективными. Но без таких качеств мышление едва ли является чем-то б?льшим, чем физиологическая функция.

Для воздействия на индивидуальное мышление и на самого индивидуума извне, на уровне общества, Ариман использует то, что является одним из лучших достижений и гордостью Западного мира, - институт *демократии*. Предоставляя человеку возможность свободно выражать свои взгляды и идеи и обмениваться ими с другими, этот институт способен стимулировать и углублять индивидуальное мышление. Однако без духовной основы, на которой должны покоиться его принципы и жизнь, институт демократии является лишь безжизненной структурой для столь же безжизненной и механической деятельности, каковой является сегодня мышление человека.

В этой структуре мышление перестаёт быть индивидуальным и становится политическим, как и человек перестаёт быть индивидуумом и становится "сторонником" или "противником". Древнее "Истина рождается в споре" уже больше не применимо к современному демократическому процессу и его идеалу. Вместо истины, современные дебаты ведут к её фрагментации, к запутыванию и разобщению. Таким образом, так называемые "демократические свободы", столь восторженно и заслуженно восхваляемые на Западе, на самом деле прекрасно служат целям Аримана.

Как это ни парадоксально, но именно в России, в Советском Союзе, где демократия отсутствует, признают значение и силу индивидуальных идей. Именно поэтому ариманические власти там боятся и запрещают их и наказывают, даже убивают тех, кто "думает по-другому", кто является диссидентом. В то время как на Западе, где каждый может думать и говорить, что ему вздумается, индивидуальные идеи значат очень мало, и никто не считает, что они имеют реальную силу в жизни. Каждый может "думать по-другому" и потому является диссидентом по определению. Даже слово "диссидент" практически не употребляется здесь в этом значении. Например, когда четыре видных члена Лейбористской партии вышли из неё и организовали свою политическую партию или же когда группа шахтёров вышла из Национального Союза Шахтёров и организовала другой профсоюз, никто не называл этих людей диссидентами - первых назвали "Бандой Четырёх", а вторых - "Отколовшимся Профсоюзом".

Однако не слова являются здесь главным, а явление, которое они отражают. Многообразие взглядов и идей, присущее западному обществу, характеризуется одной общей чертой - все они, в общем и целом, являются продуктом материалистического мышления. В качестве таковых они находятся в сфере Аримана, и их развитие состоит в количественном росте внутри неё, а не в "диссидентском" выходе из неё.

В то же время они являются "диссидентством", отступничеством - от мышления как духовной деятельности, от мышления, соответствующего духовному основанию мира. Так что можно сказать, что относительно истинного мышления люди на Западе являются по большей части *духовными диссидентами*, ведомыми в своём отступничестве Верховным Диссидентом, Ариманом.

В то время как успех деятельности Аримана на Востоке Европы, в России, находит убедительное подтверждение в представителях культурной/идеологической сферы - наиболее важной в Советском Союзе, здесь на Западе, в Великобритании, он являет себя особенно явственно в политических деятелях, представителях самой влиятельной сферы западной жизни. Никто не может засвидетельствовать факт нивелирования и обесценивания индивидуального мышления и самого индивидуума лучше, чем тот, кто является самим воплощением индивидуализма и независимости в британской политической жизни - Инок Пауэлл (видный политик и парламентарий "правого" направления). Вот его свидетельство:

Моё восприятие общества, возможно, парадоксальное для человека, с такой готовностью следующего за собственными мыслями и идеями, куда бы они его ни привели, является полностью общественным, то есть ориентированным на институты. Я не могу думать о человечестве иначе, как взяв общество за исходную точку. Я не могу думать - как это, очевидно, свойственно многим людям, - взяв за исходную точку индивидуума. Мой ход мыслей не начинается с индивидуума. Он начинается с общества.

Тот же взгляд на индивидуума как на что-то незначительное разделяет и другой видный политик и парламентарий, находящийся, однако, на противоположном конце политической шкалы - Тони Бенн. Когда за свои незаурядные личные качества и идеи он был выдвинут в руководство Лейбористской партии, а также и в ряде других случаев, он подчёркивал, что главным являются не индивидуумы и их идеи, а принципы, политические линии, партийные программы и т.п. Поразительно, как эти два выдающихся и в высшей степени индивидуалистических и независимых политических деятеля, придерживающиеся противоположных политических взглядов, едины в своём неприятии индивидуума как первоосновы жизни и общества. Они просто не могут разглядеть индивидуума за организациями, профсоюзами, обществом, принципами, политическими линиями, программами и т.п. Такие, страдающие "индивидуумным" дальтонизмом люди, политики, стоят сегодня во главе западного общества, в то время как страдающее "индивидуумным" и духовным дальтонизмом мышление проникло во все поры

западной жизни.

Достигнув этого, Ариман может вполне позволить себе поддерживать и стимулировать христианский импульс, побуждающий человека превращать свои идеи в идеалы, идеалы в волевые импульсы, а их - в дела. Он прекрасно знает, что за импульсы и дела могут рождаться из идей и мышления, уходящих корнями в *его* сферу - это будут *его* импульсы и дела, служащие *его* целям.

Очень редко в наше время эти цели открыто объявляются и преследуются последователями Аримана. По большей части они рядятся в христианские, возвышенные и моральные одеяния, преподносятся под маской истинно духовных импульсов и принципов и проводятся в жизнь людьми, не имеющими о них никакого представления. Упомянутый выше Тони Бенн может служить здесь примером.

Он указывает на человеческую совесть как на руководство для поступков человека и заявляет, что "совесть выше закона". Что же касается законов, которые человек считает аморальными, то Тони Бенн призывает к их нарушению, к гражданскому неповиновению. Он также цитирует известные слова Св.Августина - "Возлюби Бога и делай, что пожелаешь", где для человека не религиозное понятие Бог может быть заменено каким-нибудь социальным, культурным или политическим идеалом. Другими словами, Тони Бенн даёт следующий совет своим братьям по роду человеческому, ищущим руководства для правильных поступков в наше такое сложное и трудное время: "Следуй за своей совестью, за своим нравственным чувством, за своими идеалами и делай, что пожелаешь, даже если твои поступки будут противоречить существующим законам и нормам".

Это звучит как христианский принцип духовной свободы. И он действительно был бы им, если бы Тони Бенн и другие не посчитали возможным наполнить его любым содержанием по своему вкусу. Они считают, что слова "возлюби Бога" синонимичны словам "следуй принятой линии", и не знают их истинного, единственного для современного человека, значения. Если бы им был известен истинный смысл понятия свободы, если бы они были знакомы с философией духовной свободы, они бы знали, что любовь не является слепой силой. Как раз наоборот - истинная любовь основана на знании. Возлюбить Бога сегодня означает - познать Бога, познать Его пути и, более конкретно, познать Его моральные, духовные законы, которые управляют нашей эволюцией. Для того, кто узнал их, слова "что пожелаешь" означают лишь одно - действовать в соответствии с ними, способствовать их выполнению.

Что же касается предлагаемых Тони Бенном, основанных на физическом, ариманических морали, совести и идеалов, призванных служить основой для действий и поступков человека, то природа их совершенно иная - они являются политическими, или социальными, или национальными, или выведены из каких-либо других групповых устремлений или интересов. В качестве таковых они неизбежно вступают в конфликт с другими принципами, и вызываемые ими

действия неминуемо задевают другие чьи-либо интересы - индивидуальные, групповые, национальные или даже международные.

По сути, жизнь современного общества является ничем иным, как множеством всевозможных больших и малых конфликтов, где различные интересы сталкиваются друг с другом. Каждый участник таких конфликтов знает, что его интересы или интересы его группы могут быть удовлетворены только за чей-либо счёт - а это есть социальный закон Аримана.* В некоторых ситуациях возможен компромисс, когда обе стороны готовы в какой-то степени поступиться своими интересами. Но во многих случаях - и их число непрерывно растёт - конфликты и сопутствующие им обстоятельства являются таковыми, что никакие компромиссы невозможны, и одна группа интересов должна быть удовлетворена за счёт другой.

** Здесь имеется в виду противопоставление так называемому "Универсальному социальному закону", выведенному Рудольфом Штайнером, который гласит: "В сообществе людей, объединённых совместным трудом, благосостояние сообщества будет тем выше, чем меньше каждый индивидуум будет требовать для себя вознаграждений за проделанную им работу, то есть чем больше эти вознаграждения будут идти другим работникам и чем больше его собственные нужды будут удовлетворяться не его трудом, а трудом других".*

Вот ситуация, в которой каждый человек оказывается сегодня или лучше сказать - в которую он загоняется Ариманом. Лишённый Ариманом духовного зрения, он даже не ищет выхода из неё. В лучшем случае он спросит себя, как далеко он готов пойти, преследуя свои интересы. Но для истинного ученика Аримана такой дилеммы нет. Он знает, что не существует объединяющих общечеловеческих интересов - есть только противоречащие друг другу групповые интересы, и лишь сильнейший и наиболее целеустремлённый, готовый пойти на всё, способен добиться своего.

Если ученик Аримана нуждается в каких-либо нравственных оправданиях своих действий, он может извлечь их из своего принципа, который является комбинацией того, что провозгласили Сергей Нечаев и Св.Августин: "Всё то, что способствует торжеству моего дела, нравственно, и если я люблю своё дело, я могу делать, что пожелаю, чтобы добиться его торжества". Если следовать этому принципу, то такие человеческие качества как самоотверженность, идеализм, непоколебимость, отвага, страстность и сила воли, сами по себе в высшей степени положительные и необходимые человеку, становятся оружием, направленным против своего собрата, инструментом *терроризма*.

В самом широком смысле слова террористом является, тот, кто, преследуя собственные интересы и цели, жертвует интересами и устремлениями других людей. Насилие и убийство являются лишь специфическими и крайними проявлениями особого волевого качества индивидуума, которое, не пронизанное

истинным чувством и пониманием, истинным знанием, становится бессердечной, безжизненной, бесчеловечной силой, которая механически, попирая всё и вся, устремляется к своей цели.

Эта дегуманизация и механизация человеческой воли изнутри, на уровне индивидуума, что, в конечном счете, приводит к терроризму, усиливается воздействием на неё Аримана извне, на уровне общества, принимающим форму *тоталитаризма*. Это явление не относится лишь к какой-либо группе, или стране, или правительству. В широком смысле слова тоталитаризм означает легитимацию власти, силы и насилия в качестве приемлемых методов для достижения желаемых целей и решения конфликтов как на национальном, так и на международном уровне.

Эта легитимация принимает различные формы, от очень мягкой, как наличие "групп давления", различных "лобби" и т.п., до ведения военных действий, и она находит отражение в современном политическом мышлении, языке и идеалах, таких как "равновесие сил", "долевое участие во власти" и т.п. Но, пожалуй, наиболее наглядно наличие и проявление этой узаконенной формы насилия могут быть проиллюстрированы посредством того, что считается и принимается как неотъемлемая часть западной жизни и общества и как наглядное проявление его демократии - экономические забастовки.

Какими бы ни были их происхождение и роль в прошлом, сегодня каждый знает, что забастовка это то, о чём говорит само это слово - удар, разрушение и вред, причиняемые обществу в целом и какому-то числу его членов в частности.* Вместе с тем именно по этой причине забастовки не только широко используются, но и утвердились в качестве приемлемого и законного средства для достижения желаемой цели и решения конфликтов. Поразительно и в то же время трагично, что в цивилизованном Западном мире, в конце XX века, в такой важной сфере жизни, как экономика, в которую вовлечён каждый индивидуум, лишь только посредством насилия и силы может человек в конце концов заставить других услышать его, выслушать и откликнуться на его нужды.

* Английское слово "strike" означает как "забастовка, бастовать", так и - "удар, наносить удары".

Когда людей толкают на такие действия воинственной настрой, или неспособность найти другие средства, или инерция, или страх, мы знаем, что Ариман работал над ними изнутри, на уровне индивидуума. Мы узнаём его работу на уровне общества, когда он создаёт условия, толкающие людей на забастовки: запутанные и отчаянные ситуации, ожесточённые конфликты и конфронтации, принуждения и угрозы. Он особенно использует в этом случае свой излюбленный метод искажения, обмана и обходного манёвра: то, что по самой сути своей входит в личную сферу индивидуальной морали и нравственности - внутреннее отношение

человека к использованию силы и насилия, - он перенёс в общественную сферу законодательства. Так что в западном обществе использование разрушительного орудия забастовки не является делом личного нравственного решения и ответственности. Всё это отдано на откуп закону и установленной процедуре, которые распространяются на всех и на вся для механического следования им.

Когда мы слышим, как забастовщики говорят: "Мы сожалеем, что наши действия причиняют неудобства гражданам (пассажирам, больным, пенсионерам, детям и т.д.), *но...*", мы знаем, что эти слова не более, как отдание формальной дани мёртвой индивидуальной морали. Потому что если человек искренне сожалеет о том, что он делает, он это просто не делает. "Но" здесь не просто оправдание за причиняемый вред; это признак приверженности Ариману, а также маска, под которой он сам действует.

Мы видим, таким образом, что Ариман ухватил мёртвой хваткой и контролирует три внутренние качества человека - чувство, мышление и волю. Фактически в этой хватке зажат сам человек и его дела, и она распространяется на все сферы жизни и охватывает оба полушария. И если посмотреть правде в глаза, то мы должны сказать, что живём в мире, где верховодит и правит Ариман - мы живём в мире Аримана. Сам мир не является ариманическим, он - божественный, но физическая сфера пребывания человека находится во власти Ариманических сил.

Это неизбежный результат человеческой эволюции, её неминуемый этап. Признание этого факта не должно вызывать излишний пессимизм или отчаяние. Наоборот, оно должно привести к нашей большей активности, внутренней и внешней. Чтобы такая активность была сознательной и действенной, её источник должен находиться в ответах на два вопроса, которые встают в душе, оказывающейся лицом к лицу с сегодняшней реальностью: "Что может и должен делать человек, чтобы высвободить себя из тисков Аримана и соединиться с импульсами Христа?" и "Если Ариман является правителем нашего мира, то где же человек может найти Христа?"

Эти два вопроса, и ответы на них, неразделимы. Как ни один человек сегодня не может уйти от хватки Аримана и избежать его пагубного влияния, так каждый, кто хочет освободиться от его тисков, преодолеть его влияние и развить в себе три истинных душевных качества, может достичь этого только с помощью Христа. Многие чувствуют это, хотя бы только инстинктивно, и ищут Христа, задавая вопрос, который можно услышать сегодня в разных уголках христианского мира: "Где сегодня Христос?"

В поисках ответа некоторые обращаются к книгам, другие прибегают к медитациям. Вне всякого сомнения, соответствующие книги или молитвы могут привести ищущего к Христу. Но Христа можно и даже, возможно, нужно искать и в другом источнике - Его присутствие и деяния человек должен уметь обнаруживать и узнавать в той духовно-физической среде, в которую его поместила судьба. Моей собственной такой средой в годы, когда происходит

формирование человека, были Россия и её культура, особенно литература, и именно из этого источника я попытался получить ответ на вопрос о присутствии Христа в наших земных человеческих делах.

Россия знаменита своей литературой, своими выдающимися писателями и великолепными поэтами. Отличительной чертой русской литературы, в особенности поэзии, является её обращение к глубочайшим вопросам жизни и отражение того, как они переживаются русской душой. Поэтому её роль особенно важна в переходные и трудные времена, когда русские люди обращаются к своей литературе, к поэзии за водительство, ищут через неё лучшего понимания самих себя и переживаемых событий.

Начало XX века было именно таким временем, и именно в это время в России жило созвездие блестящих поэтов. Одним из лучших - или, по мнению некоторых, лучшим из них - был Александр Блок. Как никто другой чувствовал он пульс своего времени. Возникает ощущение, что само время, со своими бурными событиями и грозными предзнаменованиями, пульсировало в Блоке и его поэзии. Именно поэтому другой великий поэт и современник Блока, Анна Ахматова, назвала его "трагическим тенором эпохи".

Помимо всего прочего, Блок жил во время драматических событий Октябрьской революции, которой он не только был свидетелем, но которую и глубоко пережил. В результате чего он написал поэму, которую назвал "Двенадцать". В тот день, когда он её закончил, он написал в дневнике: "Сегодня я гений". Если мы примем во внимание, что Блок не был, с одной стороны, чрезмерно нескромен, а с другой - ограничен в выборе, если уж он хотел выделить какое-либо из своих произведений, мы поймём, какое значение он сам придавал этой поэме.

Поэма была написана через несколько недель после начала Октябрьской революции, когда она была ещё в полном разгаре. В поэме, в красочной и поэтической форме, Блок изобразил многозвучие революционных событий как драматический и жестокий переход от старого миропорядка и образа жизни к новому.

Двенадцать - это красногвардейцы, стоящие на страже трудного рождения нового мира и новой жизни и охраняющие их от врагов и от предсмертных конвульсий старого режима. Плохо одетые и голодные, с ружьями в руках, они ходят зимними ночами по революционному городу, всегда начеку, выискивая врагов, беспощадные в своей решимости, готовые без колебаний стрелять и убить на месте каждого, кого посчитают врагом революции. И они действительно убивают женщину, и хотя она оказалась невинной жертвой и была застрелена по ошибке, они не выражают никаких сожалений по поводу её смерти.

Самым поразительным эпизодом в поэме, отражающей революционные события, как их видел, слышал и переживал Блок, является заключительная сцена. Она поразила в своё время читателей, и даже сейчас, спустя почти семьдесят лет,

литературные критики продолжают спорить о её смысле, давая ей различные толкования. Сцена эта такова. Когда беспощадные гвардейцы шагают в непроглядной тьме, сквозь вьюгу и холод, с ружьями за плечами, выискивая врагов, - впереди них и во главе их, с кроваво-красным флагом в руках и венцом из белых роз на голове, идёт Иисус Христос.

Это кажется невероятным - Иисус Христос во главе вооружённых и жестоких революционеров, которые без всяких колебаний убивают людей, даже ни в чём не повинных. Хотя и по разным причинам, но как сторонникам революции, так и её противникам было трудно понять и принять какую-либо связь с ней Христа. Даже Блок не мог объяснить, почему и каким образом Иисус Христос появился в поэме во главе революционного патруля; более того, он был убеждён, что "надо, чтобы Другой" был бы на Его месте: "Другой" - это, конечно же, Сатана, Антихрист, Ариман.

Читатели и критики могут быть действительно удивлены или даже возмущены, сам Блок мог быть озадачен, но появление Христа в его поэме во главе революционного патруля не было надуманным или случайным - оно было продиктовано силой жившего в нём искусства и интуицией великого поэта, его поэтическим гением. Чтобы понять это водительство, мы должны попытаться выйти за пределы того внешнего, что Блок изобразил в своей поэме, и проникнуть в его суть. Более конкретно, мы должны взглянуть дальше суровости и беспощадности, проявляемых двенадцатью, и увидеть то, что живёт в их душах и сердцах и что ведёт и вдохновляет их.

Если мы это сделаем, то мы увидим, что эти суровые и решительные люди, страдающие от холода, голода, лишений и несправедливости, шагающие сквозь тьму и вьюгу в своём неустанном поиске врага, - эти люди твёрдо убеждены, что их *путь* ведёт к *истине* и *жизни*. Когда люди руководствуются такими искренними побуждениями, это означает, что они несут в себе и их направляют импульсы Христа, Который сказал: "Я есмь путь и истина и жизнь". В этом случае их ведёт Христос как их руководитель и водитель, и блоковские двенадцать не были исключением.

Но что было тогда, когда они стреляли и убивали людей, даже во имя своих высоких идеалов, даже во исполнение своих искренних побуждений? Вёл ли их Христос и в этом случае? Конечно же нет - Христос не может вести людей к убийству. Так где же Он был, когда они совершали свои жестокости? Отступил ли Он, оставил ли и покинул их? Нет, и этого Он сделать не мог, ибо Он навеки связал Себя со всеми земными делами и поступками человека, как Он Сам объявил: "Я с вами во все дни до скончания века". Это торжественное обещание было дано и тем двенадцати, которых Христос вёл к истине и новой жизни. Но когда они творили жестокости и другие подобные дела, Христос был не впереди них, а рядом с ними, молясь за них и принимая на Себя их грехи.

Так что вот где сегодня Христос - Он с нами, в нашей жизни, Он связан со всем

нашими чувствами, мыслями и делами. Если наши мысли, побуждения и дела правильны и благотворны, то Христос находится впереди нас, ведя и вдохновляя нас. Если мы совершаем что-либо неправильное или плохое, то Христос становится рядом с нами и помогает нам, молясь за нас и беря на Себя пагубные последствия наших неправильных и вредных поступков. Он никогда не покидает нас и не становится позади нас, подталкивая к хорошим поступкам или удерживая от плохих. Принуждение и навязывание - это не Его путь, Его путь - свобода и доверие, которые Он даровал человеку.

Этот дар Христа является одновременно благом и бременем, ибо каждый индивидуум стоит сегодня перед важнейшим в жизни выбором и решением, критическим для будущего как его самого, так и всего человечества - с кем он: с Верховным Диссидентом, князем мира сего, или с Верховным Водителем Человечества, Сыном Человеческим? Союз с Ариманом означает содействие его власти и правлению и требует передачи ему собственной свободы и подчинение ему собственных чувств, мыслей и воли - более лёгкий и соблазнительный, но трагический путь в будущее. Союз с Христом означает укрепление Его Царства здесь на Земле и требует развития, исходя из собственной свободы, истинных чувства, мышления и воли - значительно более трудный путь в будущее, но единственно верный и надёжный.

Тот, кто сознательно выбирает его и берёт на себя нелёгкую задачу по развитию этих качеств, может получить помощь, конкретную и практическую, проанализировав, с одной стороны, как три импульса, направленные на развитие трёх душевных качеств человека, вошли в нашу эволюцию, а с другой - как эти импульсы фактически превращаются в сами эти качества.

Эти импульсы вошли в нашу эволюцию через деяния Христа, став, таким образом, духовными законами эволюции человека. Мы знаем, что деяния Христа являются одновременно уникальными и основополагающими. Они уникальны, поскольку они устанавливают духовные законы, и они основополагающие, поскольку установленный закон применим к каждому человеку. Поэтому так важно знать - и понимать - деяния Христа.

Когда Христос сказал: " не нарушить пришёл Я, но исполнить " закон, Он заявил о Своём согласии ("конформизме") с духовным законом, положившим начало земной эволюции и направляющим её. Но сказав: "Царство Моё не от мира сего", Он тем самым заявил, что вносит в эту эволюцию нечто новое, что только ещё должно утвердиться в ней. Он знал, что это становление будет нелёгким из-за противодействий Верховного Диссидента. Именно этот Верховный Диссидент объявил Христа диссидентом, бунтарём, преступником, террористом и в конце концов приговорил Его к смерти.

Чтобы преодолеть эти противодействия и сделать становление Своего Царства на Земле возможным, Христос должен был действовать, должен был вступить в борьбу с противодействующими силами, которые, став "отступниками" и

"диссидентами", вышли из главного потока эволюции. Поэтому к ним были обращены Его слова: "не мир пришёл Я принести, но меч". Но что было Его мечём, какой жертвенный акт собирался Он совершить с его помощью? Совершил ли Он его? Да, совершил, и результатом его была смерть, и при этом Он был осуждён как преступник. Но кем Он пожертвовал ради достижения Своей цели и победы над Своими противниками? Этими самыми противниками, или их союзниками, или кем-то ещё?

Но в том-то и дело, что не было никого и ничего, кем и чем Христос мог бы пожертвовать, потому что всё и вся в этом мире принадлежит Ему и объято Его вселенской любовью. И всё-таки Он пожертвовал - Собой, и это была единственная возможная для Него жертва и единственная, которая ведёт не к смерти и разрушению, но к воскресению и новой жизни.

Вот как три импульса, три духовных закона - следование определяющему эволюционному закону, введение нового принципа в противовес превалирующим разрушительным силам и неизбежный жертвенный акт - вошли в нашу человеческую эволюцию. Чтобы увидеть их фактическое осуществление, следует проанализировать жизнь тех личностей в человеческой истории, которых мы считаем духовными и высокими индивидуальностями, лучшими представителями человеческой расы, учителями и помощниками человечества. Выбор таких индивидуальностей является личным делом каждого, но те, кто посвятил себя антропософской работе, могут определённо остановить свой выбор на Рудольфе Штайнере.

Изучение жизни Рудольфа Штайнера является в этом отношении не менее важным, чем изучение его трудов, ибо если его труды вскрывают духовные законы, его жизнь подтверждает их.

С самого раннего детства и на протяжении всей своей жизни Рудольф Штайнер проявлял живой и неослабевающий интерес ко всем аспектам жизни, культуры и человеческой деятельности, активно участвовал в многочисленных событиях и человеческих взаимоотношениях, которые посылала ему судьба, и искал любую возможность, чтобы расширить и углубить своё участие во всём, что происходит в жизни и мире. Можно сказать, что он хотел объять и впитать в себя весь мир, который любил и с которым стремился жить в гармонии и единстве.

Но когда пришло для него время сообщить этому миру нечто совершенно для него новое и уникальное по своему содержанию и потому для подавляющего большинства неприемлемое, вызывающее неудобство, создающее напряжённость, осложняющее отношения и нарушающее гармонию, у Рудольфа Штайнера не было никаких сомнений или колебаний относительно того, сообщать ли миру свою весть. Он не пожертвовал ею и не предал её, не пошёл ни на какие компромиссы за её счёт, и несмотря на непрекращающееся противодействие, граничившее с неприкрытой враждой, а также на недостаточную поддержку, он четверть века нёс

её миру с поразительным мужеством и решимостью.

Когда противодействие стало очень сильным, угрожающим его миссии и навязывающим ему бой, Рудольф Штайнер вынужден был принять вызов и ответить на предпринятую против него атаку соответствующими действиями, как внешними, так и внутренними. Каковы были или могли быть в этом случае действия человека, вся жизнь которого была посвящена служению человечеству и для кого не существовало личных, групповых или других разделяющих людей интересов? Рудольф Штайнер ни с кем не сражался, ни на кого не нападал и даже не защищал себя от "врагов". Другие считали его своим врагом, но его общечеловеческая весть и миссия не допускали понятий типа "личный враг", а также негативных, разрушительных или антагонистических действий. Нет, предпринятые им действия были исключительно положительными, благотворными и, что необходимо подчеркнуть, жертвенными по своей природе.

Таким образом, изучение жизни Иисуса Христа, а также Рудольфа Штайнера или других подобных личностей, может показать нам, как духовные законы, необходимые для нашего развития, входят в нашу эволюцию и становятся её истинными движущими силами. Жизнь такой личности является нашим учителем, дающим нам конкретные живые примеры для нашего личного развития и поступков. Мы знаем, что для приобретения трёх душевных качеств нам необходимо пройти три ступени развития, общие для всех, но индивидуальные в каждом конкретном случае.

Когда во время своей земной жизни человек начинает осознавать и сознательно воспринимать свою физическую и культурную среду, он должен распознать, что в ней является проявлением и работой эволюционных духовных сил, и вступить с этим в союз, составить с ним гармоничное единство. Никто не может указать ему на такие явления в его среде или определить за него их характер и значение, ибо это является исключительно его задачей - выявить для себя ту часть действительности, относительно которой он может считать себя *конформистом*.

Затем человек должен сделать ещё одно открытие, на этот раз внутреннее. Он должен открыть в себе тот уникальный импульс, ту индивидуальную миссию, которые каждый несёт себе и которые он принёс из духовного мира, чтобы воплотить их здесь на Земле. Эти индивидуальные импульсы и миссии не являются лишь чем-то личным, вроде частной собственности; они принадлежат всему человечеству. Именно через эти индивидуальные импульсы и миссии новое входит в нашу эволюцию; фактически они являются движущими силами эволюции. Поэтому их открытие в себе является обязанностью человека по отношению не только к себе, но и к человечеству и духовному миру.

А открыв их, человек стоит перед другой обязанностью - осуществить те устремления, которые он принёс из духовного мира. Первый шаг на этом пути он делает тогда, когда занимает определённую позицию в жизни и "заявляет о себе". Характер его позиции и "заявления" зависит, в первую очередь, от природы

индивидуальных импульсов и миссии, но одно в данном случае совершенно ясно. Какую бы форму эти позиция и заявление ни приняли, каковы бы ни были индивидуальные импульсы и миссия, они неизбежно столкнутся с сильным противодействием. Всё по-настоящему положительное и новое, что берёт свои истоки из духовного мира, сталкивается с сопротивлением старых, утвердившихся в жизни, враждебных ему сил, не желающих сдавать своих позиций. Если человек является носителем таких истинных импульсов, то по отношению к этим ариманическим силам он становится *диссидентом*.

Это противодействие и сопротивление может принимать различные формы. Это может быть открытая вражда со стороны других людей, или отсутствие поддержки и понимания со стороны друзей, или неблагоприятные обстоятельства или условия жизни, или собственная несостоятельность. В любом случае человек должен встречать такие препятствия лицом к лицу и стремиться преодолеть их. Как? Трудность этой конфронтации заключается не только в мощи противодействующих сил, но и в слабости того, кто стремится преодолеть их. Одно особое проявление такой слабости состоит в том, что при чрезмерной концентрации этих сил средства для их преодоления бессознательно берутся у них самих. И тогда борец с ними отвечает на их действия собственными горечью, отчаянием, гневом, обвинениями, проклятиями и оскорблениями, а в конечном счёте и пулями, гранатами и бомбами - другими словами, нанося другим вред и принося их в жертву, то есть превращаясь в *террориста*.

Чтобы избежать этой опасности, необходимо следовать духовному закону, согласно которому истинные духовные импульсы должны проводиться в жизнь, а сопротивление им преодолевать, посредством действий, которые по природе своей являются положительными, направленными на общее благо и жертвенными. Превращение всех чаяний и поступков в такие действия должно поистине стать человеческим идеалом. Хотя такие действия покоятся на универсальных духовных принципах, их фактическое осуществление и конкретное приложение является делом индивидуальных возможностей и ответственности. Как никто не может вкладывать за нас свой смысл в понятия "положительный", "общее благо" или "жертвенный", так никто не может за нас решать, какие из наших действий являются таковыми, или подсказывать нам такие действия. Здесь мы полностью предоставлены сами себе. Однако каждый, стоящий перед трудным решением, может иметь два переживания, которыми он может руководствоваться при принятии такого решения.

Одно переживание имеет универсальный характер, и оно опять же может быть выявлено путём анализа жизни выдающихся личностей, в особенности жизни Христа. Оно выражено Самим Христом в следующих словах, которые Он произнёс на кресте, совершая Свой жертвенный акт: "Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?" Это чувство одиночества, покинутости, как будто ты один на всём белом свете - в самый тяжёлый и решающий период своей жизни. (Не испытывал ли нечто подобное и Рудольф Штайнер после пожара первого Гетеанума и когда он должен был принять решение о создании нового Антропософского Общества под

своим руководством без предварительного совета и одобрения ведущих духовных сил?)

Таким образом, когда мы стоим на пороге принятия важнейших решений и свершения решительных действий и никого нет рядом, кто мог бы помочь нам или дать совет, или хотя бы подбодрить или утешить; когда мы чувствуем, что покинуты всеми и должны полагаться исключительно на собственные суждения и внутренние силы, что только сами несём всю ответственность за последствия своих решений и поступков, тогда мы можем считать это знаком того, что мы не сбились с пути и находимся в ситуации, инспирированной духовным миром.

Для другого переживания нет аналогов или примеров, оно должно быть создано исключительно собственными внутренними силами. Но зато оно оказывается лучшим путеводителем и помощником, когда принимается решение действовать. Переживание это - совет, который человек держит с самим собой со всей ответственностью и внутренней честностью.

Человек должен подвергнуть анализу мотивы, побуждающие его к действиям, которые он предполагает совершить, свои знания и понимание ситуации, в которой находится, и свои чувства по отношению к тем, кого затронут последствия его действий. Всё, что человеку удалось достичь в развитии истинных душевных качеств, вступает сейчас в силу и реализуется в этих действиях. Посчитают ли его, в результате этих действий, конформистом, диссидентом или террористом (радикалом), не должно иметь для него никакого значения. Единственным фактором, определяющим, в конечном счете, его решение действовать, является его собственный ответ на вопрос, который он ставит перед собой:

Принимая это решение и совершая это действие, какое место я отвожу Христу? Рядом с собой, обременяя Его своими проступками и укрепляя правление Аримана на Земле? Или же я ставлю Христа перед собой как своего водителя, помогая Ему установить на Земле Своё Царство и спасти Верховного Диссидента от окончательного падения?